

Галина Лохова

САРКИС И ЛАППОЧКА

Галина Лохова

Саркис и Лаппочка

«Четыре четверти»

Лохова Г.

Саркис и Лаппочка / Г. Лохова — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-581-038-5

Книга «Саркис и Лаппочка» — история о белорусском балете. Автор включается в живой диалог с героями: известными танцовщиками Виктором Саркисьяном и Ольгой Лаппо, выдающимся балетмейстером Валентином Елизарьевым... О становлении национальной балетной школы, легендах советского и мирового балета рассказывают очевидцы, люди нашей эпохи. Неформальное повествование позволяет погрузиться в атмосферу танца, почувствовать себя на сцене, за кулисами, у тренировочного станка, проникнуться взглядом артиста на окружающую действительность, понять его юмор. Адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-985-581-038-5

© Лохова Г.
© Четыре четверти

Содержание

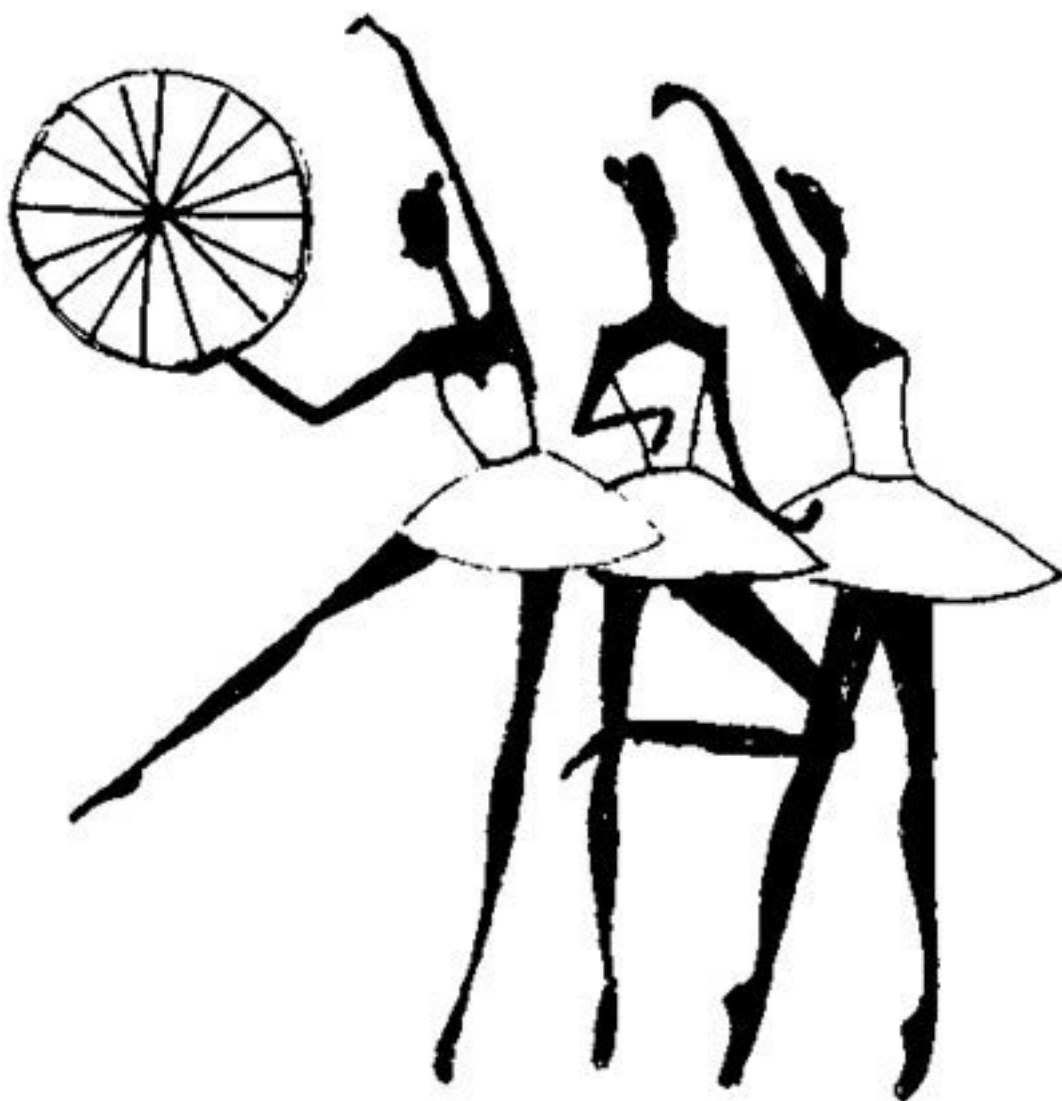
Несколько слов вначале...	6
I Акт	9
Моя мама была шахтером	9
Гастроли в Смоленске. 1977 год	9
Саркисьян	9
Отец	9
Мама	9
Бабушка, дед, дядя Коля	10
Ест в одиночку у всех на виду, значит, богатый	11
Антонина	11
Географ	12
Спортивная форма ДСШ	12
Физрук Сидоров стал моим первым хореографом	12
Первый успех	13
Танцевальный кружок в ДК Маяковского	13
Мамино письмо. 1966 год	14
Ирина Тиме и Народный балет Ростсельмаша. 1961 год	19
Культпросвет и ростовская шпана	19
Тиме	19
Сколько в труппе профессионалов?	20
Барышня и хулиган	21
О высоком. Как делается балет и зачем он нужен...	21
Возвращаемся к прозе жизни... Сапоги	21
Володя Деружинский	22
Отправьте его в Минск, или первое явление Раи и Коли	22
Красовких	
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Галина Лохова Саркис и Лаппочка

Документальная история

© Лохова Г. Ю., 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Несколько слов вначале...

И дырами будет светиться все утраченное...

Это история двух артистов балета, мужчины и женщины. Они вместе с момента встречи в хореографическом училище и до сих пор: почти 50 лет. Друзья зовут их Саркис и Лаппочка.

Он: Виктор Саркисян, поцелованный Богом, абсолютный любимец публики, танцовщик с мощной мужской энергетикой, народный артист БССР, обладатель третьей премии I Международного конкурса балета в Москве 1969 года, профессор кафедры актерского мастерства Белорусской государственной академии искусств.

Она: Ольга Лаппо, ведущая солистка Большого театра оперы и балета Республики Беларусь и ведущий педагог Белорусской государственной хореографической гимназии-колледжа, ученица Нины Млодзинской и Софьи Головкиной, хранительница балетных традиций, мастер по превращению маленьких девочек в прекрасных балерин.

Возможно, вам покажется, что книга вне жанров. Это не исследование творчества и не мемуары, скорее попытка восстановить память о людях и событиях. Пробежать сухие строки биографии, когда за скобками остается все самое вкусное – мысли, эмоции, настроения, смешные случаи и трагические, все специи жизни – все равно что жевать диетический хлеб без масла... (Ну вот, начинается, как всегда у балетных, цирковых и гимнастов: любой разговор сворачивает на кулинарную тему!)

Записей и фотографий немного: их никто специально не собирал, не придавал им большого значения. Да и балет – такая вещь, о которой словами и фотографиями рассказать невозможно, даже видео показывает движение, но не передает энергию артиста. Маленькие эпизоды и детали складываются в мозаику жизни, утерянные или забытые в суе имени неожиданно и сладостно возникают из небытия, наполняя теплом сердце. В книге встречается множество имен – это сделано специально: в повседневности, к сожалению, забываются люди, которые и есть эпоха.

Ну что ж, начнем, пожалуй...

– Что вы танцуете?

**Приветствие в племени Банту,
дословный перевод**

Меньше всего я интересуюсь тем, как люди двигаются, меня интересует, что ими движет...

**Пина Бауш,
танцовщица, хореограф**

Балет – искусство не интеллектуальное, а визуальное. Его надо смотреть. Он как прекрасный цветок. Что вы можете сказать о прекрасном цветке? Все, что вы можете сказать, что он красив...

**Джорж Баланчин,
балетмейстер**

Ушла из театра, сраженная в сердце...

**Майя Плисецкая,
балерина, 5 лет**

Виктор Саркисян

Ольга Лаппо

I АКТ

Все по-настоящему значимое находится в той области, где у человека сердце.

Сергей Соловьев, кинорежиссер

Моя мама была шахтером

(Страницы дневника В. Саркисяна)

Гастроли в Смоленске. 1977 год

Лежу в гостинице на кровати, не могу уснуть. Вспомнил годы детства: бабушку, маму, дом, знакомых, близких. Вспомнил, как пошел в школу, подумал, что напрасно уничтожил дневник, который вел с 14 до 24 лет. Я описывал в нем собственные чувства. Однажды, прочитав написанное, разорвал листы: показалось слишком откровенным. Осталось лишь несколько страниц. Сейчас хотелось бы восстановить записи, но я понимаю, что не смогу этого сделать так же честно, как раньше: не хватит мужества. Тогда стоит ли тратить на дневник время и эмоции?..

Саркисян

Фамилия Саркисян мне досталась от первого мужа матери. Георгий Саркисян был талантливым художником и человеком. В сталинские времена отправился на съезд в Москву, и больше его никто не видел. Мама попросила: «Сохрани память о нем, сохрани фамилию». Мама сказала – я сделал. Так всю жизнь и живу с армянской фамилией. Ну какой я Саркисян: белобрысый, лопухий, голубоглазый?..

Отец

Родился я в 1947 году в городе Каменске-Шахтинском Ростовской области.

Настоящая моя фамилия – Твердов. Про отца мне рассказала бабушка: он был проезжим и звали его Владимир Владимирович. Я отца не видел, мама о нем никогда не говорила, и никто мне его фотографии не показал. Смутно помню, как меня чуть не украли и не увезли в Краснодарский край, где в то время жил отец. Мне было лет 6: двое мужчин с кавказской внешностью дали игрушку, взяли за руку и повели по улице. Соседи позвали бабушку. Она ураганом вылетела из дома, подняла страшный крик и оторвала меня от похитителей. Те быстро исчезли, и об отце я больше ничего не слышал.

Мама

Воспитывала меня бабушка, потому что мама сразу после моего рождения уехала на Сахалин в поисках заработка. Там она вышла замуж за Туголукова Ивана Васильевича, моториста на рыболовецком судне. В 1950-м, когда мне было 3 года, они вернулись и поселились

в городе Шахты Ростовской области. Мама устроилась забойщиком в шахту, а отчим – в автогаражное хозяйство. Это время жизни, если можно назвать это жизнью, вспоминаю с ужасом.

Мать уходила в 5 утра, возвращалась домой поздно вечером уставшей и почерневшей от угольной пыли. Как объяснить, что женщина выполняла работу, которую не всякий мужик осилит? Уголь тогда рубили вручную, отбойный молоток весил больше 9 килограмм, смена длилась по 10–12 часов, и женщин в то время под землей работало больше, чем мужчин. Использование женского труда в забоях было запрещено в 1957 году...

Мама приходила настолько измученной, что любая оплошность с моей стороны выводила ее из себя и оборачивалась жесткой поркой. Если я громко жевал за столом, она хватала меня за волосы, брала армейский ремень, снимала штаны, зажимала между ног и лупила до иступления. Отчим оттаскивал ее, бил, чтобы прекратить истерику, укладывал на кровать, клал ей на лоб мокрую тряпку и успокаивал. Меня отводили на улицу подальше от дома. Как только мать открывала глаза, все начиналось сначала. Часто она обвиняла отчима в чем-нибудь, бросалась на него с ножом. Эти леденящие кровь сцены производили на меня страшное впечатление. Виной всему была тяжелая ее работа и безысходность, но детское потрясение живет во мне до сих пор.

Отчима я любил и называл папой. Он был волевой честный человек с интересной жизнью, работал на траулерах. В его жизни было много невероятных приключений, которые, к счастью, оканчивались благополучно. Хоть и не родной, отчим относился ко мне очень хорошо и даже баловал: покупал иногда конфеты. От первого брака у него были 2 дочери, которые вышли замуж и уехали в другие города.

Друзей у меня почти не было, потому что я был запуган и часто плакал, но если они и появлялись, дружба быстро терялась из-за матери, которая не давала ни с кем общаться.

Ужасные сцены повторялись часто, и бабушка забрала меня жить к себе. Стал видиться с матерью очень и очень редко, да и то в присутствии бабушки. Через несколько лет мама с отчимом переехали на хутор Красновка, что недалеко от Каменска, у них родились сначала Люба, потом Наташа, и мне казалось, маме вообще стало не до меня.

Бабушка, дед, дядя Коля

Бабушка, Златопольская Ольга Григорьевна (по мужу Кошелева), имела земли и дома в Польше, так что во мне есть частичка польской крови. Почему она оказалась в Каменске-Шахтинском, я не узнал, а она сама об этом никогда не говорила. Она была умная и добрая, привила мне любовь к литературе, искусству, природе, ко всему тому, в чем видела красоту мира.

Дед Яков был огромного роста, плотник с золотыми руками, он рано умер, и его я помню смутно. Когда ко мне в Минск приехала двоюродная сестра Тамара с мужем Володей, они удивились, что я сам построил дом на даче, имея из арсенала инструментов только топор и молоток. Володя воскликнул: «Весь в деда!», поехал в магазин и купил мне комплект строительного инструмента.

У деда с бабушкой были сын Коля и три дочки: старшая – Шура (она тоже растила меня, я называл ее мама Шура), средняя – Зинаида и младшая – Валентина, моя мама.

Дядя Коля был для меня авторитетом, майор-артиллерист, воевал на фронте, вернулся с войны невредимым. Он разрешал мне рассматривать свои многочисленные награды. В молодости дядя играл в футбол, но потом ушел из спорта из-за травмы. Он был мастером на все руки: сложил в доме печь из кирпича, которую бабушка топила каждое утро. Когда в комнате становилось тепло, так сладко было лежать под одеялом – не хотелось идти в школу.

Когда дядя Коля приходил с работы, они шушукались с бабушкой на кухне, и до моего слуха доносилось имя Сталина. Я в то время думал, что они говорили о Сталине, подарившем нам счастливое детство.

Ест в одиночку у всех на виду, значит, богатый

Весь дом на своих плечах тащила тетя Зина, работавшая в две смены на секретном заводе. В то время раздавали земельные участки, которые назывались «бахча». Нам тоже выделили такой участок. На нем старшая дочь бабушки, Шура, выращивала арбузы, картофель и кукурузу. Этим мы питались весь год.

Бабушка готовила один раз в день, мы ели, когда приходили из школы. Если удавалось перехватить из еды еще что-то, это считалось счастьем. Иногда бабушка давала пятак и посылала за калачом. Так назывался большой свежее испеченный бублик из пшеницы. Отстояв час в очереди, я покупал этот долгожданный калач (давали один в одни руки), и мы его дома, растерзав, съедали.

Если посторонний человек ел у нас на виду, не понимая, что рядом дети, которым постоянно хочется кушать, мы ненавидели его: считали, что он богат и может себе позволить вот так сидеть и есть, не делаясь ни с кем. С тех пор у меня появился комплекс: стесняюсь при людях есть. Кажется, что все на меня смотрят и ненавидят. Понимаю, что это глупость, но прошлое засело во мне так прочно, что ничего не могу поделать. Испытанные в детстве нищета, унижения и побои повлияли на мой характер и на мою жизнь.

С обувью и одеждой также были проблемы. Однажды пошел в школу в теткиных сапогах, а когда меня вызвали к доске, сказал, что не выучил урок: не хотел, чтобы надо мной смеялись. Потом возвращался домой по обочине, по глубокому снегу, специально проваливая сапоги в сугроб, чтобы их не было видно. Дядя Коля переделал свои солдатские сапоги на мой размер, а из его гимнастерки бабушка сшила рубаху. Когда мне, как ребенку из малоимущей семьи, выдали в школе пальто и обувь, я был счастлив, а бабушка – еще счастливее.

Я любил гонять с соседскими мальчишками лошадей в ночное: огромное поле, скошенная трава, кони – красивейшие животные, благородные и благодарные. Нравилось поливать сад, пусть он был небольшим, но я его любил, потому что за ним ухаживал. Любил мыть полы и не считал это стыдным. Летом мы делали самокаты, сбив под углом две доски и прикрепив вместо колес подшипники, а зимой – коньки из дерева, приматывали их к башмакам веревками. Бабушка меня журила за поздние возвращения домой, но делала это беззлобно, и я на нее никогда не обижался, потому что знал, как она меня любит. Светлую память о ней я сохранил на всю жизнь.

Антонина

У тети Зинаиды было две дочери. С младшей, Людмилой, я не общался, считал ее малолеткой. А вот с Антониной мы почти не разлучались. Она поучала меня, потому что была старше на целый месяц! И если я не выполнял ее требований, она меня колотила. Я плакал – бабушка спешила на выручку и часто снимала меня с какого-нибудь дерева во дворе, куда я залезал, чтобы спрятаться от Тони. Выглядело это очень смешно, бабушка говорила Антонине, что братьев нельзя обижать, и мы мирились.

Мы учились с Тоней в одном классе. Наша школа № 3 находилась так близко от дома, что можно было бегать на перемене домой. Учился я по всем предметам плохо. Не потому, что не мог, просто не хотел. Во втором классе имел успех у одноклассников на уроке пения, мне даже предсказывали будущее певца. Часто на контрольной я не мог решить задачу или не успевал написать сочинение. От мысли, что мне за это поставят двойку, плакал, хотя и знал, что бабушка ругать не будет, но я все равно плакал, переживая, что она расстроится.

Тоня решала мне задачи по арифметике и даже писала за меня какие-то контрольные и сочинения. Некоторые учителя вели уроки скучно и неинтересно и вовсе не были знатоками

своего предмета, работали спустя рукава. Мы этим пользовались – в итоге ничего не знали. Директор школы Скоробогатов Николай Николаевич, грузный и добрый, многое нам прощал. «Ох уж эти послевоенные дети», – он знал, как мы живем, знал, что у многих нет отцов или матерей. На родительские собрания ходила только бабушка, она вместе со мной переносила детские горести и радости. Мать в школе никогда не появлялась, ссылаясь на занятость, я стал ей чужим.

Географ

Моим кумиром был учитель географии. Когда он впервые вошел в класс, я был поражен внешним видом: подтянутый, с прямой спиной, гладко выбритый, ни морщинки на выглаженном офицерском мундире, ни пылинки на начищенных до блеска сапогах. Бывший фронтовик, он слегка прихрамывал после ранения.

Мы его любили и побаивались. Он никогда не повышал голоса, говорил негромко, четко и жестко. Если кто-то начинал шуметь и хулиганить, спокойно просил: «Кто виноват, выйди из класса, пожалуйста», и этот кто-то вставал в тишине и выходил. Географ никогда не жаловался на нас директору, и мы его за это уважали.

Только однажды, когда я нашел у соседа в сарае немецкий штык со свастикой, притащил в класс и всем показал, Географ вызвал моих родителей: «Этим штыком людей убивали». Бабушка пришла в школу и впервые за все время ругала меня так, что даже Географ встал на защиту. С тех пор у меня осталась привычка: когда нервничаю – начинаю дергаться.

Мне хотелось быть похожим на Географа, хотелось почувствовать рядом мужскую силу, поговорить о мужских делах, хотелось, чтобы он заметил меня, считал взрослым и знал, что смогу выполнить любую мужскую работу. Поэтому я тщательно учил географию и выше других тянул руку. Просто у меня не было отца...

Спортивная форма ДСШ

Любимым моим предметом была физкультура: меня включили в школьную команду, я перепробовал все виды спорта, кроме тяжелой атлетики. Одновременно занимался гимнастикой, футболом, ходил в секцию легкой атлетики при ДСШ, с энтузиазмом готовился к соревнованиям и даже получал грамоты. Соревнования обычно проходили на стадионе «Прогресс».

Однажды тренер по легкой атлетике собрал нас и сказал, чтобы мы получили спортивную форму и «послезавтра пришли в ней на стадион, где будем идти колонной в честь Дня Физкультурника». Услышав первую часть про форму, я так обрадовался, что прослушал, зачем и куда в ней надо идти. Назавтра я поехал к матери в Красновку и гордо щеголял весь день перед деревенскими мальчишками в новенькой спортивной форме, на груди моей крупными буквами было написано «ДСШ». На следующую тренировку я пришел как ни в чем не бывало и очень удивился, когда тренер отругал меня и сказал, что я специально не пришел на праздник. Я не стал ему объяснять, почему не явился, было стыдно, когда он ругал меня. Я сдал форму и больше в секцию не ходил.

Физрук Сидоров стал моим первым хореографом

Когда школа готовилась к праздничным концертам или смотрам художественной самодеятельности, директор поручал нашему физруку Сидорову Алексею Ивановичу подготовить танцевальные номера. Физрук собирал мальчиков и девочек в спортзале и спрашивал, кто что умеет делать. Потом все предложенные движения Сидоров замешивал в танец и придумывал своему шедевру какое-нибудь звучное название. До сих пор почти целиком помню «Русский

танец», потому что, исполняя его на концерте, ошибся в двух движениях. Но тогда ни о танцах, и уж тем более ни о балете я не думал, и если видел их по телевизору, то скучал и убегал к ребятам играть в футбол.

Первый успех

В парке по выходным работали аттракционы и устраивались соревнования. Как-то проводили танцевальный конкурс, участвовать мог любой желающий, я тоже включился в эту сутолоку. Организаторы конкурса постепенно исключали из игры тех, кто был слабее, в итоге остался я и еще один взрослый дяденька. Нас окружили кольцом, зрители хлопали и подбадривали. В результате собравшиеся проголосовали за меня, мне вручили книжку про войну «Капля крови». Это был первый танцевальный успех – подошли ребята и стали звать в танцевальный кружок дома культуры Маяковского, но я был в эйфории и пропустил это мимо ушей. Мне было тогда лет 8.

Танцевальный кружок в ДК Маяковского

Через некоторое время увидел на перемене, как мальчик показывал одноклассникам какие-то танцевальные движения. Я попробовал тоже – получилось не очень, тогда стал повторять снова и снова, даже вспотел. Мальчик одобрительно хмыкнул и показал новое движение:

– А ну-ка посмотри, вот это возьмешь? – движение было более сложным, но я его повторил. Потом еще одно, и еще одно. – Слушай, приходи к нам на занятие в ДК Маяковского к 7 вечера.

Так я стал заниматься в кружке народного танца. Сначала у меня ничего не получалось, но я старался, постепенно вливался в жизнь кружка, стал потихоньку участвовать в концертах. Полюбил дом культуры Маяковского, он стал мне дороже всего на свете, полюбил его сцену и главное, узнал, что такое дружба. Товарищи помогли мне забыть время страха – все ужасное стало уходить в прошлое, я становился полноценным человеком. Руководителем кружка тогда был Безверхов Николай Иванович, талантливый человек, танцы, которые он ставил, публика всегда встречала восторженно. Потом его заменила Каменева Нина Николаевна, от нее я узнал про культпросвет-училище в Ростове-на-Дону. Когда я собрался уезжать, бабушка расстроилась:

– Зачем ты уезжаешь, я не могу тебя обеспечить ни деньгами, ничем. А школа тебе на зиму пальто выделяет. Теплое.

– Бабушка, не могу здесь больше быть, я хочу учиться.

Променял, короче говоря, зимнее пальто на учебу в Ростове-на-Дону. Мне было тогда 14 лет.

...В 1977-м администрация Ростова-на-Дону пригласила нас с Ольгой выступить на юбилейных концертах. В свободный от выступления день мне выделили автобус с водителем, чтобы я мог навестить родных. Сердце готово было выскочить из груди, когда увидел свой дом в Каменске. Дома никого не было. Мы поехали в больницу, где мама Шура работала уборщицей. Я поднял ее на руки, и слезы полились сами из глаз. Потом я поехал на работу к сестрам, к отчиму. Стемнело, и надо было уже возвращаться в Ростов. На обратной дороге, трясясь в автобусе, я не смог сдержаться и заплакал. Я не виделся с ними 9 лет и, увидев на 4 часа, уехал вновь. Насколько?

Мамино письмо. 1966 год

(в это время учился в Минском хореографическом училище)

«Здравствуй, сыночек!

Ты не обижайся на нас, что не прислали тебе к маю денег. Мы пошли на почту – наша почта не работала, на другой день поехали в город, зашли до мамы – ей дали немного, да кое-что взяли им покушать: то булочку, то селедку копченую. На третий день был праздник – почта не работала 2 дня, так и разошлись твои деньги. Числа 12-го мы тебе вышлем. У нас стоит теплая погода, только и знаем, что поливаем. Теперь не отдохнешь, как зимой.

Ну а как ты, сынок, живешь, чем занимаешься, как учишься, как идут твои занятия? 4 мая мне на День Рождения одна Валька догадалась прислать поздравительную открытку, она каждый год присылает. Итак, Витя, мне исполнилось 45 лет. Отец взял мне духи за 80 копеек, Наташка – книжку за 30 копеек, а Люба – носки за 40, еще взяли бутылку сидра...»

«Вите Саркисяну 2 года». Слева направо: тетя Александра Яковлевна Кошелева («мама Шура»), Виктор Саркисян, старшая сестра по матери Алла Георгиевна Саркисян

Шахтерки, 50-е годы

Мама Шура и тетя Надя

Каменск-Шахтинский, 60-е годы, стадион «Прогресс»

Каменск-Шахтинский, 60-е годы, ДК Маяковского

Школа № 3, Витя Саркисян с другом

Ирина Тиме и Народный балет Ростсельмаша. 1961 год

(Страницы дневника В. Саркисьяна)

Культпросвет и ростовская шпана

Поступать на отделение хореографии в ростовское культпросвет-училище мы поехали с другом Сережкой Поляковым.

Жили в общежитии по 6 человек в комнате, стипендия была маленькой, бабушка присылала 3–4 рубля из своей пенсии. Сбрасывались в начале месяца на обеды, так было легче продержаться. Когда на станцию Товарная приходили вагоны с углем, арбузами, овощами, старшекурсники узнавали об этом заранее и брали нас с собой на разгрузку. Мы, младшие, были тощие, вечно голодные, не могли поднять тяжелые мешки по 40–60 кг, так что помогали чисто символически и больше болтались под ногами. Но при расчете старшие ребята честно делили заработок поровну на всех: у них был свой кодекс чести.

Они были нам старшими братьями: крепкие, накаченные, как теперь говорят, крутые, занимались нашим воспитанием, защищали кулаками от местных хулиганов. Все вопросы тогда решались просто: «драку заказывали?», и чуть что – сразу в нос. Долго потом избавлялся от этой ростовской привычки. Но если при разборках выяснялось, что виноват был кто-нибудь из нас, тогда уже нам доставалось за ложь сполна. В училище мне дали кличку «Князь». Во время разборок с хулиганами она пригодилась – меня не трогали, думали, что за мной стоит кто-то значительный.

Ростов был бандитским городом. Мы дружили со шпаной из нашего района, я жил той жизнью, которая меня окружала, хоть и не нравилась. Попал в компанию, где играли в карты: сначала в дурака, в пульку, в преферанс; потом стали играть на людей: давали задание кого-то избить или отнять что-то. На моих глазах люди проигрывали чужую жизнь. Проигравшему могли, например, назначить сеанс, ряд и место в кинотеатре, и он должен был убить человека, сидевшего на этом месте. И со мной могло такое произойти. Но ребята-старшекурсники выручали, делали так, чтобы я не оказался проигравшим, и потом выдернули меня из этой компании. До сих пор благодарен судьбе и ребятам, что уберегли от уголовщины, с тех пор никогда не беру в руки карт...

Параллельно с этой ростовской реальностью в моей жизни возникла совсем другая: балет.

Тиме

В культпросвет-училище преподавала Ирина Алексеевна Тиме. Она была личностью легендарной, потомственный балетмейстер, бабушка ее, Елизавета Тиме, готовила танцоров для императорского театра. В 1958 году Ирине Алексеевне предложили создать хореографический кружок при ДК завода Ростсельмаш. Через несколько лет кружок вырос в Народный театр балета (НТБ), который имел в своем репертуаре «Бахчисарайский фонтан», «Вальпургиеву ночь», «Тщетную предосторожность», «Мирандолину», «Барышню и хулигана», «Корсара», Класс-концерт. Балеты исполнялись на вполне приличном уровне, в 1963-м «Корсар» ставили на кремлевской сцене в Москве. Народные драмтеатры были тогда привычны, а вот народный театр балета! Их в СССР можно было по пальцам пересчитать: в Москве, в Ленинграде, Новокузнецке, Ярославле, Таганроге и вот – в Ростове-на-Дону.

Ирина Алексеевна всегда просматривала все «танцующие» классы в училище. Она заметила нас с Поляковым и позвала к себе в театр. Узнав об этом, наша преподавательница народного танца Валентина Ивановна Нечаева устроила скандал: «Она вечно всех соблазняет своим театром! Да что ж это такое?! Не ходите туда!» Существование НТБ вызывало у преподавателей приступы ревности, хотя реальная практика в театре балета дала мне знаний намного больше, чем училище. Мы были сами и актерами, и осветителями, и декораторами, и костюмерами.

Как-то Нечаева поставила нам русский танец и послала от училища на конкурс. Мы удачно прошли два тура, оставался третий, и нас называли фаворитами. Но по иронии судьбы третий тур совпал по времени со спектаклем «Бахчисарайский фонтан» в НТБ. Тиме сказала: «На ваше усмотрение, хотите – приезжайте танцевать спектакль, хотите – дотанцовывайте третий тур, вы там точно награды получите». Мы с Сережкой сбежали с конкурса в Ростов-на-Дону танцевать спектакль. Что творилось в училище! Валентина Ивановна чуть нас не съела! Она обиделась. Конечно, понять ее можно, но мы посчитали, что спектакль важнее.

Сколько в труппе профессионалов?

В Народном театре балета занимались обычные люди, приходили после работы или учебы 5 раз в неделю с 8 до 11 вечера. Когда, посмотрев спектакль, журналисты с недоверием спрашивали, сколько в труппе профессионалов, Тиме серьезно отвечала: «Ну много! Литейщик, старший мастер, инженеры...»

Ирина Алексеевна выбирала спектакли, исходя из наших возможностей, но это были настоящие полноценные версии, не облегченные и не адаптированные. «Не надо, чтобы на любительской сцене шли облегченные Петипа и Фокин, не надо, чтобы зритель испытывал раздражение, глядя на грязное исполнение шедевров». За сложные вещи мы брались, когда чувствовали в себе силы. Хотя театр наш был самодеятельным, но дисциплина была жесткой: что можно сделать без постоянного профессионального тренажа? Часто, проходя вечером мимо ДК в свободный от занятий день, можно было увидеть свет в окнах балетного класса – мы уговаривали вахтера пустить и занимались самостоятельно.

Тиме была против любых поблажек со стороны администрации завода. Даже в горячие деньки, когда мы готовились к премьере, наши артисты никогда не освобождались от работы: «Не нужно, чтобы у нас занимались из-за каких-то привилегий». У нее была любимая шуточка на случай, когда до премьеры оставалось мало времени и много работы:

– Будем теперь встречаться если не каждый день, то, по крайней мере, два раза в день.

Мне было интересно само отношение Тиме к коллективу: взаимопонимание, самонастраивание на творчество, четкая постановка задач. Ни разу здесь не видел никого в плохом настроении – только шутки, смех, оживление. Тиме потрясающая была, удивительная, научила нас внутренней чистоплотности и порядочности, готова была простить технические ошибки, но не прощала лени и равнодушия. Она взращивала в нас творческое начало: «Ищите, фантазируйте, ошибайтесь, главное, чтобы вы думали. Все хорошее мы используем»... И каждый искал в роли свои краски, свое откровение. Даже те, кто исполнял совсем маленькие партии.

И еще она говорила: «Если у тебя все хорошо в жизни – это плохо. А вот когда у тебя будут трудности, ты начнешь мужать и физически, и интеллектуально». Это очень важный момент для любого человека. Когда у тебя все хорошо, тебя по головке погладили – и ты не ощущаешь, где плохо сработал. «Честолюбца задушили фимиамом». Это абсолютно точно. Похвалили раз-два – и ты уже думаешь, что гений, а на самом деле ты – никто, ты должен работать, не останавливаясь. Я ей благодарен за то, что она настроила меня: трудности это хорошо, ты должен их преодолеть, не опускай руки, будь бойцом. В балете нужны бойцы. Потому что

театр есть театр: есть интриги, есть неприятные истории, есть большие физические нагрузки. Преодолевая все это, люди выходят возмужавшими...

Барышня и хулиган

Была в жизни театра драматическая история, почти как в балете «Барышня и хулиган», только в роли барышни выступил наш народный театр. Парень из одной ростовской банды случайно попал в ДК Ростсельмаша и всю нашу репетицию простоял под дверью, подглядывая в замочную скважину. В конце занятия он осмелился зайти и, переминаясь с ноги на ногу, попросил, чтобы «его взяли в балет». Он стал ходить на занятия. Бывшие приятели с улицы не простили предательства: встретили его после репетиции в подворотне и пырнули ножом. К счастью, все закончилось благополучно. Врачи успели его спасти, ребята из театра ходили к нему в больницу навещать.

О высоком. Как делается балет и зачем он нужен...

Как мы делали очередной балет, Ирина Алексеевна рассказывала в одном из интервью: «Нам для выпуска спектакля нужно 15 репетиций с оркестром. Обязательно с профессиональным, потому что самодеятельный симфонический не вытягивает целый спектакль. Каждая репетиция с профессиональными музыкантами стоит Дворцу культуры 190 рублей. Умножьте эту сумму на 15, и вы поймете, почему мы даем 5–6 премьер подряд и все. Больше бюджет не выдерживает. Ведь в ДК есть и другие коллективы, им тоже деньги нужны». Между прочим, так сейчас работают многие профессиональные театры в мире: постановочный период, несколько подряд премьерных спектаклей и все.

Наши спектакли шли бесплатно и всегда при переполненном зале, каждая премьера ожидалась с нетерпением, заводская многотиражка печатала после премьеры рецензии и отзывы зрителей. Может быть, это и было самым важным. На заводе образовалось сообщество сотрудников, их друзей и детей, в котором понимали балет и поддерживали его. Как сказал артист в театре и инженер в миру Виктор Кравченко, «может, это и звучит выпендрено, но красоту мира и место мое в этом мире открыл мне балет. Серьезно. Если бы я не занимался им, я был бы другим человеком. Я был бы хуже. Понимаете, душевно хуже...»

Возвращаемся к прозе жизни... Сапоги

Для репетиций театр выдавал каждому по паре балетных туфель и сапог, которые потом не менялись, а только постоянно ремонтировались. Собственной житейской обуви мы с Сережкой Поляковым не имели и нашли отличный выход: ходили в танцевальных сапогах целыми днями, независимо от погоды, и в дождь и в снег. Если честно, сапоги были только видимостью – ноги замерзали через 3 минуты, подошва была такая тоненькая, что чувствовалась каждая неровность, а через пару дней и вовсе отклеивалась. Мы ехали зайцем на общественном транспорте от культпросвет-училища до ДК Ростсельмаша и являлись на репетиции НТБ уже в мокрых сапогах. Как ни скрывали, однажды Тиме нас все-таки застукала. Узнав о плачевном финансовом положении, ребята собрали деньги и купили нам ботинки. И еще с тех пор три раза в неделю мы с Сережкой ходили к Ирине Алексеевне домой на обед: так она помогала нам растянуть стипендию до конца месяца.

Володя Деружинский

Душой театра балета был Володя Деружинский. Талантливый человек и танцовщик, настоящий товарищ, с хорошим вкусом и теоретическими знаниями, он мог в двух словах объяснить движение или сцену, и ты потом сам удивлялся, как все легко и просто.

Балеты ставила обычно сама Ирина Алексеевна. Но некоторые сцены и даже целые спектакли она доверяла поставить Володе. Он сочинял свои либретто и свои балеты. Два из них – «К звездам» и «Заря над Доном» – получили потом в Москве золотые медали на Всесоюзном смотре самодеятельности.

У него была буйная фантазия, интуиция, он делал интересные мизансцены, выразительные пантомимные куски и динамичные бои. Помню его хитрого, сильного предателя Бербанто в «Корсаре» и воинственного Нурали в «Бахчисарайском фонтане».

Отправьте его в Минск, или первое явление Раи и Коли Красовских

Отправить Сергея Полякова, Нину Павлову, Свету Масаневу и меня в Минское хореографическое училище предложили Раиса и Николай Красовские. Они были в то время ведущими артистами белорусского балета, приехали в Ростов-на-Дону на гастроли, прослышали от кого-то о Народном театре балета и пришли посмотреть, что это такое.

Тут надо отдать должное Ирине Алексеевне, она долго не раздумывала:

– Да, вам надо учиться дальше, танец будет вашей профессией.

Первой в Минск поехала Нина Павлова, потом – мы с Сережей Поляковым, следом – Света Масанева, на следующий год братья Федякины отправились в Питер, а Василий Клейменов – в Вагановское училище. Ирина Алексеевна не побоялась ослабить свой театр, думала не о себе, а о нашем будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.